

Е. Ю. КОЛБОВСКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ЭКОЛОГИЯ ТУРИЗМА

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся
по направлению подготовки «Экология и природопользование»*

3-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2011

УДК 574(075.8)
ББК 75.81я73
К60

Рецензенты:

д-р географ. наук., проф., ведущий сотрудник Института географии РАН
Б. И. Кочуров;
д-р географ. наук., проф. географического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова *А. Ю. Александрова*

Колбовский Е. Ю.

К60 Экологический туризм и экология туризма : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. Ю. Колбовский. — 3-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2011. — 256 с.
ISBN 978-5-7695-7878-6

История рекреационной и туристской деятельности впервые рассмотрена в связи со становлением культурного (рекреационного) ландшафта России. Изложены сложившиеся в последнее время подходы к оценке потенциала ресурсов и перспектив развития внутреннего туризма в России. Описана методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала территории. Понятие экологического туризма увязано с процедурой экологичного менеджмента в сфере туризма и рекреации. Особое внимание уделено проблеме воздействия различных видов туризма и рекреации на окружающую среду, а также возможностям ландшафтного планирования в сфере резервирования природных территорий для внутреннего российского туризма и рекреации.

Для студентов высшего профессионального образования.

УДК 574(075.8)
ББК 75.81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Колбовский Е. Ю., 2006
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2006
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2006
ISBN 978-5-7695-7878-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия туризм и рекреация стали одной из ведущих отраслей мирового хозяйства, сделавшись важной частью национальной экономики, источником благосостояния разных стран мира. Между тем туристско-рекреационная сфера России находится в состоянии, далеком от оптимального, что связано с рядом причин внешнего и внутреннего порядка.

К внешним причинам относится сокращение рекреационного пространства страны, практическое прекращение финансирования туризма и рекреации государством и профсоюзами, резкое увеличение спроса на ранее весьма немногочисленные поездки в зарубежные центры туризма.

Внутренние причины связаны с российским менеджментом туристско-рекреационной сферы: над управленцами регионального уровня довлело желание создать верхний элитный сектор туристско-рекреационных услуг для иностранцев, не проводя предварительной планомерной основательной работы по формированию условий отдыха и туризма для своих соотечественников. Такое управление привело к возникновению уродливых форм и видов элитарного туризма, развалу и без того эфемерной структуры туристских услуг, деформации традиций гостеприимства, разрушению оставшихся рудиментов народных промыслов, невысокому социальному статусу образующихся в сфере туризма рабочих мест с точки зрения местного населения. Однако главная особенность рынка туристско-рекреационных услуг — моральное старение внутреннего туристского продукта, т.е. предлагаемых на российском туристском рынке видов и сценариев отдыха и туризма.

Данная ситуация ни в коей мере не является тупиковой, напротив, в мировой туристско-рекреационной сфере наблюдаются тенденции, которые выводят российский потенциал на достаточно выигрышные позиции. Аналитики туристско-рекреационной сферы все чаще применяют термины «зеленый туризм», «ландшафтный туризм», «экотуризм», под которым понимают некий альтернативный вид отдыха и рекреации, ориентированный на

новые ценности, прежде всего на тесное общение с природой. При этом особо подчеркивается принципиальное отличие экотуризма (как раз и позволяющее считать его альтернативным): благоприятное воздействие на социально-экономическую среду и экологическое состояние регионов. Именно экологический туризм может выступить в роли средства и инструментария экологического обустройства регионов.

Новые тенденции развития туристско-рекреационной сферы диктуют внимательное отношение к формированию регионального туристско-рекреационного продукта, что требует, в свою очередь, предварительной скрупулезной оценки регионального туристско-рекреационного потенциала, а также оценки воздействия рекреации на окружающую среду регионов.

В настоящее время время совершенно очевидно, что перед любимыми лицами, ответственными за развитие туристско-рекреационной сферы, равно как и перед «экономическими агентами», т. е. инвесторами, на свой страх и риск пытающимися вложить средства в эту сферу, встают одни и те же вопросы, без ответа на которые невозможно предпринимать какие-либо адекватные действия, а именно:

- какова история российской рекреации, как и почему отдых в России связан с культурным ландшафтом страны, какие свойства этого ландшафта определили национальные традиции отдыха;

- в чем заключается специфика национального и регионального туристского продукта, каковы его выигрышные свойства и малоприятные стороны, как и насколько отличается один регион нашей страны от других по качеству турпродукта;

- как сделать отдых и туризм привлекательным для сограждан, какие рекреационные занятия могут получить развитие на данной территории, как разработать программы выигрышных экологических туров, которые составят конкуренцию традиционному туризму;

- как выявить туристско-рекреационный потенциал территории и какие управленческие стратегии необходимо выработать для сохранения и оптимизации этого потенциала;

- как туризм и рекреация воздействуют на природу, насколько значителен тот поток туристов и отдыхающих, который может быть «пропущен» через регион, и как определить рекреационную емкость ландшафтов?

В предлагаемом учебном пособии автор дает ответы на эти и некоторые другие вопросы. Исходным материалом для выводов и оценок, предложений и характеристик послужили результаты многолетних полевых изысканий на территории стихийно складывающихся рекреационных зон староосвоенных регионов Российского Центра и Севера, специальная литература, а также богатый личный туристский опыт.

Автор глубоко убежден, что развитие внутреннего туризма и рекреации России тесно связано с возрождением культурного ландшафта страны, поэтому природе и ландшафту уделено особое внимание в этой книге. Существует мнение, что туризм не может не быть экологичным, иначе это уже не туризм, а форма разрушения природы и социума. «Зеленый», «ландшафтный», «активный» туризм всегда тесно связан с природой, а сам экотурист поневоле оказывается «погруженным» в ландшафт. Каковыми окажутся результаты этого погружения для природы и для человека, во многом зависит от нашего понимания и природы, и человека, и того явления, которое мы называем туризмом.

ИСТОКИ ЭКОТУРИЗМА: РЕКРЕАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ВИД ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

1.1. «Несерьезный отдых» и культурный ландшафт: роль рекреации в процессах освоения пространства

Если сказать, что туризм и рекреация — виды деятельности, теснейшим образом связанные с процессами освоения пространства, то этот тезис, пожалуй, потребует серьезных доказательств. Долгое время считалось, что человек осваивает территорию в результате непосредственных актов хозяйственной деятельности, совершаемых нарочито и всегда с конкретной прагматической целью, таких как вырубка, распашка, залужение, добыча полезных ископаемых. Сопутствующие отдыху почти бесцельное нахождение и перемещение в пространстве никогда не рассматривались как составные части человеческого бытия, способные серьезно изменить облик местности или хотя бы повлиять на восприятие этой самой местности в глазах перемещающегося и его собратьев по человеческому коллективу.

Лишь в последнее время после появления новых исследований по географии поведения и психологии восприятия стало очевидным, что на самом деле взаимодействие человека и природы имеет всеобъемлющий характер и практически любые действия в пространстве освоения так или иначе изменяют его первоначальный, т. е. природный, облик. Даже простое появление человека в диком ландшафте с функцией стороннего наблюдателя уже вносит в природное пространство некую точку отсчета, наличие которой подводит черту под «диким существованием» пространства. Пребывание туриста в дикой природе сродни путешествию первооткрывателя, поскольку и тот, и другой (первый неосознанно, второй нарочито) «столбят» пространство, маркируя его принадлежность к миру человека (человеческому макрокосму). В этом смысле природа есть ландшафт. Ландшафт, в котором первопроходцы или туристы проложили хотя бы одну тропу, уже культурный: места в нем оценены и предуготовлены к освоению. Если же отдыхающий или турист задерживаются в ландшафте надолго, то они обустривают его хотя бы и очень пунктирно, ненадежно, на несколько часов—дней, максимум неделю-другую. Однако и эти простейшие действия вроде устройства кострища и приготовления места для ночлега в палатке оказываются значимыми для ландшафта в той

же мере, в какой значимыми были дюнные стоянки финно-угров или стойбища племен боевых топоров, разбросавших материальные свидетельства своей культуры по всей Северной Европе.

Очевидно, что в рамках прагматически-хозяйственного подхода оценить всю совокупность не прямых воздействий человека на территорию весьма сложно. Отдых или перемещение в пространстве без видимой практической пользы больших или меньших групп людей — как раз такие виды активности, которые очень непросто ложатся в прокрустово ложе «человека экономического». Обычно люди плохо и невнятно объясняют мотивы, заставляющие их три недели кряду сидеть в палатках под дождем на полузатопленном острове на Рыбинском водохранилище или неделю тащиться с тяжеленными рюкзаками через горный перевал с риском свалиться в пропасть и сломать себе голову. В этом обстоятельстве заключается неуспех многих попыток непосредственного применения социально-экономических и проектно-планировочных методов к оценке перспектив развития туризма и рекреации в том или ином регионе.

Между тем истинная роль туризма и рекреации становится более очевидной, если обратиться к концепции культурного ландшафта, восходящей к работам Л. Н. Гумилева и получившей развитие в рамках современной гуманитарной географии в трудах Б. Б. Родомана, Ю. А. Веденина [7, 8], В. Л. Каганского. Новые данные, характеризующие роль отдыха (рекреации) и туризма в процессах освоения территории и становления культурного ландшафта, содержатся в работах Э. С. Кульпина [24], Е. Ю. Колбовского [22], А. В. Абросимова, Д. В. Николаенко.

Культурный ландшафт понимается географами как социальное пространство, в котором физически объективированы линии и узлы социального поля. Сложная паутина человеческих отношений накладывается на природный ландшафт, расчленяя, дифференцируя его на *места* (усадыбы, поля, сенокосы, выгоны), *границы* (заборы, межи, дороги) и *края* (околицы, предместья, окраины). Расчленение природного ландшафта на составные элементы с последующим закреплением за ними тех или иных функций (жилье, уголье) и соответствующим обустройством и составляет содержание процесса его окультуривания-освоения человеком. Причем на первых (самых ранних) стадиях освоения важнейшими являются именно процедуры восприятия и оценивания пространства, реализующиеся обычно в рамках первопроходческой, туристской или рекреационной активности, т. е. таких видов деятельности, которые никак не могут быть названы исключительно хозяйственными.

Хотя человек обладает уникальной способностью к усвоению культуры и к обучению, нет никаких сомнений в том, что он появляется на свет отнюдь не «чистой доской» (*Tabula rasa*) и что во многих отношениях он как бы заранее запрограммирован. В част-

ности, его системы переработки информации настроены на восприятие вполне определенного круга стимулов и их сочетаний и на то, чтобы отвечать на них определенными действиями. Подобно тому, как эволюция выработала реакции на знаковые стимулы, подсказывающие животному, что оно находится в подходящем местообитании, история человека разумного привела к формированию устойчивых «навыков места». Всякий раз, когда в ходе расселения человек наткнулся на сочетание признаков, вызывающих из сознания знакомые ландшафтные символы, он останавливался. Вслед за всемирно известными этологами Н. Тинбергеном и К. Лоренцом мы можем назвать такие символы «врожденными моделями». Неслучайно абсолютное большинство неолитических стоянок находится в местах, к которым явно тяготеет и современный турист. Это экотонные, т. е. переходные, фрагменты ландшафта: опушка леса, открывающаяся на луг на высокой пойме реки, вершина песчаной дюны на надпойменной террасе, «стрелка» — узел слияния двух рек: большой и малой. В таких местах человек ощущал себя «закрытым» с тыла (сзади стоянку прикрывала лесная опушка или крутой склон), взору его открывался панорамный вид, обеспечивающий контроль за большей частью окружающего пространства; высокая бровка террасы или вершина дюны обеспечивала быстрое таяние снега, стекание атмосферных осадков и, что немаловажно, наличие постоянных бризов, которые обдували тело, спасая от не знающих пощады кровососущих насекомых. В долинах больших рек люди селились значительно реже: слишком разрушительными могли быть сильные половодья и паводки...

Таким образом, человек «праздношатающийся» издревле выполнял важнейшую социальную функцию, осуществляя первичную оценку вновь открываемых земель, при этом неважно: идет ли речь о никогда не посещавшемся обширном плато или о вновь увиденной дубовой роще на поверхности поймы небольшой речки. Следовательно, можно утверждать, что *туризму и рекреации свойственны особые информационные функции в процессе освоения новых территорий.*

Итак, современная концепция культурного ландшафта позволяет рассматривать туризм и рекреацию с принципиально иных позиций: как виды деятельности, изначально включенные в сложный процесс освоения территории, становления и поддержания культурного ландшафта, а также в любые процессы реосвоения и внутренней колонизации пространства обитания того или иного социума. Ландшафт как композиция, генерация мест проявляет себя только через посредство свойств, присущих этим местам, а сами свойства обнаруживаются через отношения с осваивающим субъектом — человеком. Для нас важно то, что как раз в возникновении этих отношений важнейшая (и до сих пор не

оцененная в должной мере) роль принадлежит различными видами рекреационной деятельности, как явной, так и скрытой.

Элемент случайности, «не нарочитости» первых этапов узнавания и освоения территории принципиально важен в рамках принятой концепции, поскольку он позволяет провести различие между явной и неявной рекреацией (отдыхом). Корни этого различия кроются во внутреннем психологическом состоянии человека, поскольку предполагается, что в случае явной рекреации рекреант четко позиционирует себя в качестве отдыхающего. «Я отдыхаю», — думает о себе человек, развалившийся в шезлонге на побережье теплого моря, и в этом варианте его состояние очевидно для окружающих, поскольку он, в принципе, «ничего не делает». Сложнее выглядит ситуация со сборщиком грибов, прочесывающим квадратные километры леса в поисках «белых», поскольку и сам грибник, и внешние наблюдатели скорее всего определят это занятие как дельное; однако и в этом случае мы сталкиваемся с отдыхом, только в его неявной форме, которую принято называть *скрытой рекреацией*.

Попытаемся определить, что представлял собой отдых на заре зарождения «русского мира» — в русской национальной традиции — и какую роль играла рекреация во взаимоотношениях человека и природы, иными словами, попробуем отыскать корни явления, которое мы называем ныне модным термином «экотуризм».

Вообще говоря, освоение любой территории — сложный и во многом противоречивый процесс, который можно представить как непрерывное чередование волн распространения человеческого влияния и внедрения антропогенных ландшафтов (селитебных, сельскохозяйственных, пасторальных) в структуру естественной ландшафтной «мозаики». За каждой из таких волн с неизбежностью следовала эпоха кризиса и спада, т.е. забрасывания и запустения ранее заселенных, распаханых, залуженных и осушенных земель и возврата их в сферу влияния суровой и дикой природы. Важнейшие осваивающие виды деятельности хорошо известны и изучены (в исторической ретроспективе) географами и этнографами: это сведение лесов, распашка и залужение земель, сенокосение, выпас крупного рогатого скота, селитебная застройка. Прежде чем поселиться надолго в пространстве «таежного моря», человек должен был вырубить лес и на освободившихся участках распашать поля, устроить пастбища для скота и сенокосы для заготовки сена, возвести жилые и хозяйственные постройки, т.е. поставить деревню.

В настоящее время трудно это представить, но до конца XVII — начала XVIII в. даже в центре Европейской территории России освоенные пространства представляли собой «острова в море дикой природы» и эти острова были очень ненадежны: ткань ру-

котворного ландшафта нередко съезживалась под влиянием неблагоприятных природных (природные катаклизмы, массовые эпидемии) и социально-геополитических факторов (опустошительные войны, распространение крепостничества).

Были, разумеется, и относительно благоприятные периоды, в течение которых осуществлялось распространение хозяйственной деятельности человека на новые территории. Происходило это за счет отселения ставших самостоятельными хозяевами взрослых крестьянских детей; община выставляла новые одно-, двухдворные поселения за границу «обитаемого» сельского мира, поскольку в его пределах уже не находилось удобных для распашки и выпаса земель. Ясно, что и сам процесс «выставления» новых поселений: «починков» или «новин», — и последующее обитание в них требовали основательного знания территории дикой природы и внутренней готовности к существованию на границе между освоенным и неосвоенным ландшафтом, в пределах зоны, которая в американской литературе об освоении земель Дикого Запада получила меткое название «фронтир».

О том, что знакомство крестьян с окружающим миром природы было если не исчерпывающим, то весьма тесным, говорит обстоятельство, что выбор мест для основания новых поселений совершался удивительно точно, причем настолько, что единораз найденные, «нащупанные» в ландшафте места уже не выпадали из зоны человеческого внимания, поскольку обладали целым рядом «полезностей», были красивы и удобны. Такое знание фронта — «пограничья» между освоенными землями и диким ландшафтом и такое умение жить среди дикой природы, по нашему мнению, могли возникнуть только в ходе предваряющей всякое освоение длительной неявно-рекреационной деятельности.

К сожалению, рекреационная и скрыторекреационная деятельность традиционных этносов, осваивающих территорию, до сих пор находится вне поля зрения исследователей. Пожалуй, писатели уделили этой стороне жизни простого народа гораздо больше внимания, чем специалисты-географы или историки. Стоит, наверное, вспомнить в этой связи жизнеописание американских трапперов Ф. Купера или замечательные зарисовки писателей русской классической школы — Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова, посвященные разным видам охоты, выпасу коней, сенокосению, сбору грибов или ягод. Вне всякого сомнения, эти тексты кроме признанного художественного значения несут и интереснейшую информационную смысловую нагрузку, позволяя нам по-новому оценить эти стороны крестьянской (да и феодальной — господской) жизни.

Неявно-рекреационную (или скрыторекреационную) деятельность (термин введен А. В. Абросимовым) можно определить как деятельность, связанную с различными второстепенными в иерар-

хии жизнеобеспечения видами природопользования, всегда сочетавшуюся с намеренным отдыхом либо просто с неосознанным стремлением переменить занятие и уйти от тяжелого ритма привычных трудовых усилий. Ареной этой деятельности было широкое пространство фронта, ограниченное только физическими возможностями человека и традициями удаления от привычного жилья (свойственными данному социуму — деревенской общине, например). Граница между природой и культурным ландшафтом всегда была постепенной: селитебные места и пашни (антропогенные элементы) соседствовали с сенокосами и пастбищами (антропогенно-измененными элементами), те, в свою очередь, — с элементами, лишь слабо затронутыми влиянием человека (охотничьи угодья — *путики* крестьян и *зверинцы* феодалов). Поэтому сам фронт никогда не являлся четким рубежом с пометками «вход воспрещен» или «опасно» и предоставлял широкие возможности для узнавания, открывания, апробирования. История не позаботилась о том, чтобы оставить нам ясные указания об освоении фронта в русском ландшафте, но мы имеем немало косвенных сведений о жизни и хозяйствовании наших предков и, следовательно, можем реконструировать с известной долей определенности суть и смысл рекреации в ее первоначальном виде.

1.2. Неявная рекреация или как отдыхали в старину

Итак, попытаемся взглянуть на некоторые виды традиционных занятий, свойственных крестьянам России, как на формы неявной рекреации.

Начнем с «прагматических» видов природопользования, т.е. таких видов, которые осуществлялись ради конкретно ожидаемой практической пользы. Как отмечает географ из Кургана А. В. Абросимов, «человек вступает в контакт с ландшафтами в большинстве случаев для достижения четко определенных целей, которые чаще всего, особенно в патриархальных социумах, носят ярко выраженный прагматический характер, однако многие, на первый взгляд, чисто практические виды использования на самом деле не только не являются обязательными для выживания, но даже излишними с прагматической точки зрения. Объяснить существование таких видов использования можно только мощным скрытым информационным потоком ландшафт — социум».

Лесные промыслы. Сбор грибов и ягод — традиционные виды промысловой деятельности крестьян, осуществлявшейся в пространстве фронта. Прагматическое значение этих видов хорошо известно (ягоды — как источник витаминов, грибы — как источник высокоценного белка), однако А. В. Абросимов, указывая на невысокую производительность этих видов занятий, обращает

внимание на то обстоятельство, что по времени они конкурировали с важнейшими жизнеобеспечивающими сельскохозяйственными работами — уборкой урожая.

Тем не менее крестьяне, в том числе и основные работники, считали возможным оторваться на два-три, а то и пять-шесть часов от обычных работ, чтобы отдать дань «тихой охоте» или собрать лукошко-другое ягод. Противоречие, с которым мы имеем здесь дело, лишь кажущееся, поскольку лесные промыслы, в особенности сбор грибов, предполагали (хоть и неявном виде), во-первых, возможность отдыха, во-вторых, высокую вероятность ознакомления с прилегающими «дикими», неосвоенными ландшафтами фронта.

Сбор грибов только со стороны может показаться простым и не заслуживающим внимания серьезного человека занятием: на самом деле это сложный комплексный вид деятельности, предполагающий отнюдь не только знание съедобных видов. Начнем с того, что разные виды грибов «оказывают предпочтение» различным видам урочищ, причем очень часто экотонных, т.е. переходных между различными видами леса, между лесом и лугом, лесом и болотом. Вероятность найти «кучку белых» на опушке ельника выше, чем в глухой чаще. Белые грузди могут быть встречены в урочище с преобладанием (или участием во втором ярусе) лиственных пород, таких как осина, ольха черная и серая. Маслята явно тяготеют к моховому покрову сосняка на супесчаных почвах и т.д. Более того, в разные годы одни и те же виды грибов могут «уродиться» в разных местообитаниях; издавна замечено, что особенно различаются в этом плане сухие и влажные летние периоды. В эпоху, когда человек мог рассчитывать только на свою наблюдательность и сообразительность, такого рода знания приобретались индивидуально и передавались в рамках сельского социума из поколения к поколению.

Различение внутри леса вообще леса осинового или елового могло сложиться только в результате заинтересованного взгляда, а взгляд этот соединял в себе практический интерес с позицией «первооткрывателя», получавшего удовольствие от самого древнего вида эвристической деятельности — открытия нового пространства. Помещенный «внутри» ландшафта наблюдатель, передвигаясь небыстро и отыскивая дары леса для собственных нужд, постепенно на опыте убеждался, что за взбугренной песчаной дюной звонкого лишайникового сосняка в долине Волги непременно последует понижение с бором-черничником, а еще ниже, наверное, встретится болотце с мягким покровом сфагнума и тонкими полусухими сосенками.

Неосознанное умение сопоставлять формы рельефа с типами лесных луговых и болотных урочищ было, безусловно, свойственно всякому настоящему русскому крестьянину; и этот опыт мог

быть наработан только в ходе неспешных скрыторекреационных перемещений-путешествий по окрестностям обитаемого мира.

Схожих, но, пожалуй, еще более специализированных навыков требовал сбор лекарственных или просто полезных трав, поскольку в этом случае ландшафт интуитивно дифференцируется на уровне геоботанической ассоциации (или «фации» — с позиций ландшафтоведения), не говоря уже о том, что растения должны различаться сборщиком на уровне вида. Между тем, по нашим наблюдениям, даже современные аптекарские заготовители часто путают ставший уже редким в лесах России зверобой продырявленный (действительно обладающий целебными свойствами) с другими представителями этого же рода — неядовитыми, но практически бесполезными. При этом многие лекарственные или употреблявшиеся в пищу травы — это луговые растения, так что кроме ориентации в видимом разнообразии напочвенного покрова леса необходимо было хорошо знать разные типы лугов.

Подчеркнем: неядворекреационное освоение позволяло оценить и те типы природных комплексов, которые с точки зрения основных видов хозяйственной деятельности могли первоначально казаться бесполезными или даже недружественными. Несколько настороженное отношение крестьян Белоруссии к болотным ландшафтам не подтверждается в пределах Европейской России. Верхневолжские болота и болотца были хорошо известны населению Тверской и Ярославской, Владимирской и Вологодской губерний, посещались весьма часто и безо всякой опаски, поскольку служили местом сбора клюквы и некоторых лекарственных растений. Об этом можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что все они без исключения имеют красивые, звучные названия: болото Журавлиное, болото Скоморошье, болото Великий Мох.

К ландшафтам пушицево-сфагновых болот был приурочен такой важный промысел, как заготовка мха, шедшего в основном на прокладывание промежутков между бревнами в свежесобранном срубе.

Сенокосение. Сенокосение — древнейший вид природопользования, тесно связанный со всем историческим укладом русской деревни. Первые сенокосы («притеребы» и «пожни») возникали на поймах рек. Следует понимать, что большинство пойменных лугов российского Центра и Севера имеют рукотворный характер, что отчетливо выявилось в последние десятилетия, когда в связи с забросом сельскохозяйственных угодий и прекращением режима сенокосения луга стали зарастать сначала ивняком, а затем сероольшанником и даже еловым лесом. Более того, почвенное плодородие луговых урочищ первоначально было связано с режимом работы многих сотен небольших мельниц на реках старой России, с помощью которых крестьяне могли реально регулировать режим поемности (т.е. сроки заливания пойм водой) и

аллювиальности (т. е. механический состав наилка) пойменных почв. Именно таким образом в течение многих десятилетий создавались продуктивные сенокосы.

Сенокосение всегда было нелегким трудом, однако в российских деревнях этот труд издавна приобрел необычную (если не праздничную, то, во всяком случае, торжественную) окраску.

Поскольку сенокосы были более или менее жестко привязаны к речным долинам, а сами эти долины могли находиться на значительном отдалении от села или деревни, сенокосение требовало выезда косарей или «вылазки», совершаемой всей семьей на несколько дней, что уже само по себе создавало необычную атмосферу и позволяло отвлечься от повседневного круга жизни (а это верный признак рекреации в ее современном понимании). Косари поднимались засветло и косили «по росе», до полуденного солнца, после чего могли подкрепиться, отдохнуть, искупаться в реке и побродить по окружающей местности.

Сенокосение и само по себе могло быть связано с поисковой деятельностью в ландшафте, поскольку во времена крепостничества лучшие луга принадлежали помещикам и монастырям, в то время как крестьяне были вынуждены искать уголья по опушкам лесов, старым вырубкам и пустошам. Впоследствии та же история повторилась с колхозными «аэродромными» сенокосами и клочковатыми, разбросанными тут и там покосами крестьян. А. В. Абросимов, проводивший исследование современных видов «побочного» природопользования в деревнях Зауралья, подчеркивает традицию семейного наследования таких сенокосных угодий и привычку собирать ягоды и грибы в окрестностях «своего» сенокоса. Подобные явления весьма обычны и для местностей российского Центра и Севера.

Охота. Подробный анализ средств и способов охоты не входит в наши задачи, этому посвящена обширная литература, однако хотелось бы остановиться на некоторых рекреационных аспектах этого вида деятельности.

Крестьяне Европейской России (в отличие от, скажем, сибирских) не имели возможности серьезно промышлять охотой, равно как и уделять ей много времени. Можно утверждать, что с конца XV в. настоящая охота во всех ее разновидностях была делом господствующего класса (сначала феодалов, затем помещиков). Крестьяне могли позволить себе лишь устройство охотничьих *путиков* в пространстве фронта, т. е. троп, специально оборудованных разнообразными ловчими ямами, западнями, самострелами и т. д. На заросших водными растениями побережьях устанавливались переметные сети («перевеси») для отлова взлетающий с зеркала воды дичи. Расстановка всех этих достаточно хитроумных приспособлений требовала не только изобретательности и смекалки, но и отменного знания биологии промысловых видов птиц

и животных. Иными словами, требовалось знать, что лось пройдет к солонцу на болоте именно данной тропой, что утки к вечеру сядут в зарослях рогоза на берегу небольшого лесного озера, что бобры проложили спрямляющий излучину канал в тыловой части поймы, что поутру по пересохшему дну этого канала пройдет семейство кабанов и т.д. Такого рода знания могли появиться только в результате постоянного и длительного пребывания в ландшафте, причем пребывания «нешумного», созерцательного, т.е. неэвнорекреационного.

В отдельных случаях интересы охоты могли повлечь и более глубокое проникновение за пределы освоенного пространства в мир «дикой» природы — во время подобных вылазок кругозор обитателя деревни, безусловно, расширялся. Удивительное подтверждение этому обстоятельству приводит известный журналист и писатель В.А.Песков, подробно описывающий быт крестьянской семьи староверов Лыковых, проживших много лет в изоляции в глухой тайге. Агафья Лыкова, по словам писателя, вспомнила случай, когда младший из братьев, обыкновенно проверявший ловчие ямы, был вынужден преследовать раненого оленя в течение двух дней и таким образом удалился от дома на расстояние двух дневных переходов. Конечно, погоню за раненым зверем вряд ли можно считать отдыхом, но таково общее свойство скрытой рекреации: здесь граница между «работой» и «не работой» трудно различима. Возможно, это и позволяет считать современную спортивную охоту одной из форм туризма и рекреации.

Рыбная ловля. Безусловно, рыбная ловля имеет еще большее право считаться неэвнорекреационным занятием, если иметь в виду не массовый промысел, а индивидуальную ловлю с различными приспособлениями. Некогда традиционные промысловые формы рыбной ловли сетью — неводом выглядят сегодня как варварство и браконьерство. Следует, однако, представлять, что два-три столетия назад рыбы в реках России было не столько, сколько сейчас: об этом свидетельствуют немногие дошедшие до нас документы, зафиксировавшие количество выбранной с помощью сетей «биомассы». За одну только ночь в «езу» (т.е. возле специально устроенной из кольев и жердей поперечной перегородки в русле) на реке Вексе монахи Горицкого монастыря, что в Переславле-Залесском, выловили сетями два воза крупной рыбы и еще несколько возов мелкой рыбешки.

Ловля сетью на реках и озерах была и остается формой тяжелой работы, даже когда она связана с браконьерством. Об этом знает всякий, кто хоть раз пробовал вынимать рыбу из больших промысловых сетей. Однако крестьяне в массе занимались и несетевым ловом, причем и здесь требовались вполне определенные знания и навыки. Знание рек, больших и малых, у крестьян было не просто хорошим, а доскональным. Об этом свидетельствуют

старейшие народные названия морфологических частей русла: бечевник, отмель, плес, бочаг, пережат, лощина, излучина. Реки, протекавшие в непосредственной близости от деревень, были в межень поделены «заколами» («езами») на отрезки, что не позволяло крупной рыбе перемещаться свободно и удерживало ее в створе, закрепленном (видимо, в форме устного соглашения-договора) за той или иной деревней.

Способы лова были весьма разнообразны, причем большая их часть без особых изменений дожила до середины прошлого века. Как и в охоте, весьма популярны были самоловные устройства, которые периодически проверялись (вечером или поутру). В русле реки в плесовой ложине навстречу течению устанавливали плетеные корзины различной формы: широкие спереди и заканчивающиеся ловушкой или тупиком сзади (напоминавшие нынешние браконьерские «морды», или «телевизоры»). Крупную рыбу ловили также на специально закрепленного живца (мелкую рыбешку, лягушек и т. д.), т. е. на «жерлицу».

Установка этих орудий самолова, безусловно, требовала знания и поведенческих особенностей конкретных видов рыб (щуки, леща, окуня, голавля и т. д.) и морфологии самого водоема.

Среди активных способов старейшим является битье рыбы острогой на перекатах, отмелях или возле заколов в русле. В отдаленных деревнях российского Центра и Севера и сегодня можно наблюдать ночную ловлю с помощью колотушки. В такой ловле участвуют два-три человека, один из них привлекает светом фонаря рыбу, другой глушит, сильно ударяя по воде тупым расширенным концом большой деревянной колотушки и выхватывает всплывающую рыбу подсачником. В руслах каменистых рек или на плащеобразных перекатах умельцы охотятся за рыбой, выманивая ее из под крупных валунов, для чего по валуну наносится сильный удар (камнем, небольшой кувалдой или даже ломом), затем одуревшую рыбу бьют острогой.

Наконец, появившаяся в деревнях уже в послевоенное время ловля на удочку, перекрывшая по популярности все предыдущие способы лова, уже может считаться формой явной рекреации. Несмотря на все неудобства, испытываемые рыбаком (ранний подъем, докучливые комары, вероятность вымокнуть под дождем и т. д.), эта форма промысла представляет собой один из лучших и излюбленных народом способов общения с природой, причем способ высокоинформативный: ведь в поисках «рыбного» везения рыбак неоднократно переходит с места на место, запоминая малейшие детали окружающего ландшафта: быстрины и омуты, пережаты и «стоячие» волны над валунами, высокие травинки манника на отмели, «султанчики» рогоза в плесовой ложине, кусты ивняка над обрывом пойменного берега и т. д.

На рыбалке (по крайней мере, на настоящей) стараются не производить лишнего шума, что позволяет человеку через полчаса как бы полностью раствориться в природе, а значит, видеть, слышать и воспринимать предметы и явления окружающего мира, которые обычно либо недоступны, либо ускользают от внимания наблюдателя. В этом плане рыбная ловля — один из самых интересных видов скрытой рекреации.

Прочие виды природопользования. А. В. Абросимов относит к скрытой рекреации и несколько других видов традиционного природопользования: сбор березового сока, заготовку веников для бани, сбор цветов. Мы можем добавить к этому списку заготовку лозы и лыка (ивовой и липовой коры), выпас коней «в ночном», бортничество, принятые у крестьян российского Центра и Севера в далеком и недалеком прошлом.

Поэтизированное описание выпаса лошадей «в ночном» находим мы у писателя И. С. Тургенева в его рассказах. Однако и серьезные люди (географы и экономисты, специально изучавшие быт русской поземельной общины) останавливали свое внимание на этом виде деятельности, необходимость которого была связана с дальним расположением выгонов. Недостаток земли и потребность располагать как можно ближе к селениям прежде всего пашни и пастбища для крупного рогатого скота оставляли для конного стада лишь самые дальние уголья, располагавшиеся порой в нескольких верстах от селитбы. Пасущихся лошадей охраняли и днем, для чего привлекались подростки, к каковой категории, заметим, в XIX в. относились дети шести-семи (!) лет, причем почти всегда несколько ребят собирались для этого вместе. В ночное отправлялись ребята (по одному с каждого двора, где есть лошадь) и так называемые «очередные» взрослые крестьяне (черед составлял две лошади). Сам по себе перегон лошадей, как и охрана пасущегося стада, не был сопряжен со значительными трудовыми усилиями, зато пребывание в ландшафте в сумерках, ночью и на рассвете в относительной отдаленности от привычного жилья придавали всему мероприятию несомненный дух романтики и приключения, т. е. отдыха!

Итак, можно подвести первые итоги: все рассмотренные виды скрыторекреационной деятельности, несомненно, обладают рядом общих свойств, а именно:

- определяют достаточно длительное по времени пребывание человека в ландшафте;
- представляют собой известное отвлечение от обыденного круга жизни и забот или хотя бы просто смену вида деятельности;
- не ставят перед человеком жестко заданной прагматической цели и связанных с ней хозяйственных норм («принести не менее такого-то количества ягод», «добыть столько-то грибов»);